

Содержание

ЧТО ТАКОЕ БХАКТИ	2
ФИЛОСОФИЯ ИШВАРЫ	5
ДУХОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ: ЦЕЛЬ БХАКТИ-ЙОГИ	8
НЕОБХОДИМОСТЬ ГУРУ	9
НЕОБХОДИМЫЕ КАЧЕСТВА УЧЕНИКА И УЧИТЕЛЯ	11
ВОПЛОЩЕННЫЕ УЧИТЕЛИ И ВОПЛОЩЕНИЕ	14
МАНТРА; «ОМ»; СЛОВО И МУДРОСТЬ	16
ПОКЛОНЕНИЕ ТОМУ, ЧТО ЗАМЕНЯЕТ БОГА, И ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯМ	18
ИЗБРАННЫЙ ИДЕАЛ	20
МЕТОД И СРЕДСТВА	22

Свами Вивекананда БХАКТИ-ЙОГА

ЧТО ТАКОЕ БХАКТИ

Бхакти-йога — это реальный, подлинный поиск Бога, поиск, начинающийся, проходящий и завершающийся в Любви. Единый миг безумной, беспредельной любви к Богу дарует нам вечную свободу. Нарада в своем пояснении к афоризмам *бхакти* говорит:

Свами Вивекананда

«*Бхакти* есть сильная любовь к Богу. Когда человек обретает ее, он любит все, он не знает ненависти, он постоянно удовлетворен... Такая любовь не может быть низведена до устремленности к земным целям»¹, — поскольку она невозможна, пока существуют земные желания.

«*Бхакти* выше *кармы* и выше *йоги*, ибо они преследуют определенную цель, *бхакти* же сама есть плод, она и средство, она и цель»².

Бхакти неизменно оставалась предметом размышлений индийских мудрецов. Помимо Шандильи³ или Нарады, особо посвятивших себя *бхакти*, великие комментаторы сутр Вьясы⁴, очевидные приверженцы строгого знания, *джняны*, высказывали чрезвычайно глубокие суждения о любви. Комментатор, стремясь истолковать если не все, то большую часть текстов на языке строгой науки, наталкивается в сутрах на такие места, особенно в главе, посвященной поклонению Богу, которые не поддаются научному истолкованию.

По сути, различие между знанием — *джняной* и любовью — *бхакти*, не так значительно, как многим подчас представляется. Мы с вами увидим, что в конце пути они сливаются в одной и той же точке. К этой цели приводит и *раджа-йога*, когда она используется как способ освобождения, а не как трюк для одурачивания простачков, чем, к сожалению, *раджа-йога* частенько становится в руках шарлатанов и любителей поспекулировать на загадочном.

Великое преимущество *бхакти* в том, что она открывает самый легкий и естественный путь к божественной цели; ее огромный недостаток в том, что на низком уровне она без труда вырождается в отвратительный фанатизм. Фанатики — индуистские, мусульманские или христианские — это почти неизбежно те, кто находится на примитивном уровне *бхакти*. Всепоглощающая страсть к предмету любви — *нишитха*, без которой не может развиваться подлинная любовь, сплошь и рядом превращается в предлог для отбрасывания всего остального. Люди слабые и неразвитые — это относится к любому народу и к любой вере — понимают под любовью к своему идеалу ненависть ко всем другим идеалам. В этом и заключается объяснение

«Бхакти-йога» составлена по записям лекций Вивекананды в Нью-Йорке в 1895—1896 гг. На русском языке публиковалась в 1914 г. (Бхакти-йога. Лекции, читанные Суоми Вивеканандой, пересмотренные и изданные Суоми Сараданандой. Пер. Я. Попова. СПб., 1914).

Перевод выполнен М. Л. Салганик по изданию: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 3. Calcutta, 1989.

¹ Пересказ Нарадасутр, 56. Нарада — мифический мудрец; упоминание о нем есть уже в Атхарваведе (V, 19,9; XII, 4, 16 и др.). Ему приписывается авторство некоторых гимнов Ригvedы; в поздней мифологии он обычно ассоциируется с Кришной как воплощением бога Вишну. Нараду, как правило, изображают в виде старца с музыкальным инструментом в руках, похожим на лютию.

² Пересказ Нарада сутр, 25—26.

³ Имя *Шандильи* упоминается уже в Шатапахта-брахмане; он считается одним из ее авторов. Шандилью называют также автором Шандилья сутр, авторитетного труда по бхакти.

⁴ Имеется в виду Шанкара и его последователи-адвайтисты, толкующие Брахма сутры Бадараяны (или Вьясы) сообразно с джняна-йогой, признаваемой ими единственно возможным путем осознания человеком своей истинной сущности. Бхакти-йогу адвайтисты расценивают как вспомогательный путь: она нужна, поскольку способствует «очищению ума», делая его готовым к тому, чтобы ум «повернулся в сторону истинного знания», но сама по себе бхакти-йога не в состоянии вывести человека из мира предметного существования. Согласно воззрениям приверженцев джняна-йоги, у последователя бхакти всегда остается чувство собственного «Я», иначе было бы невозможным разделение на того, кто поклоняется Богу, и самого Бога как объекта поклонения. Для джняна-йогов же принципиально важным является осознание своего «Я», своей «самости» как чего-то внешнего по отношению к Атману, то есть истинному в человеке, а осознание идентичности Атмана и Брахмана и называется путем «спасения».

того, каким образом человек, который так любит своего Бога, так предан идеалам собственной веры, превращается в яростного фанатика, едва соприкоснувшись с идеалами других. Такая любовь похожа на инстинкт, заставляющий собаку охранять от вторжения владения хозяина, с той только разницей, что собачий инстинкт лучше человеческой логики, ибо собака никогда не увидит врага в своем хозяине, в каком бы обличье он ни предстал перед ней. Фанатик же утрачивает способность к трезвому суждению: личные соображения подавляют в нем все остальное до такой степени, что ему делается безразлично мнение собеседника, безразлично, прав тот или ошибается, фанатика волнует лишь одно — кто это сказал. Один и тот же человек может быть добрым, честным и любящим членом своей общины, и он же, не задумываясь, совершит мерзейший поступок против любого, не разделяющего убеждения этой общины.

Но эта опасность ограничивается только тем уровнем *бхакти*, который называется *приготовительным* — *гауни*. Когда *бхакти* вызревает и достигает своего *высшего* уровня — *пара*, проявления дикого фанатизма перестают быть возможными; душа, покоренная высшей любовью, так близка к Богу любви, что ненависть распространять не может.

Не каждому из нас дано гармонично развивать свой характер в этой жизни, но мы знаем, что благороднее всего тот, чей характер есть гармония триединства: знания, любви и *йоги*. Три вещи необходимы птице для полета: два крыла и хвост, направляющий движение. Знание — *джняна* — это одно крыло, любовь — *бхакти* — другое крыло, а *йога* играет роль хвоста, поддерживающего равновесие между ними. Тот же, кто не способен достичь гармонии и потому избирает *бхакти* как свой единственный путь, должен обязательно помнить, что, хотя формы и ритуалы совершенно необходимы для развивающейся души, они имеют лишь одно назначение — приводить нас в состояние, в котором мы испытываем наибольшую любовь к Богу.

Существует небольшое расхождение во мнениях между учителями, проповедующими знание, и учителями, проповедующими любовь, хотя силу *бхакти* признают и те и другие. Последователи *джняны* рассматривают *бхакти* как способ освободиться, сами же *бхакты* считают, что это и средство, и цель. Мне лично это расхождение не кажется очень уж важным. Собственно говоря, когда *бхакти* используется в качестве инструмента, то делается это на ее низком уровне, что касается высшего уровня, то со временем его уже нельзя выделить из Других.

Похоже, что каждая сторона, предпочитая собственный путь, забывает, что совершенная любовь сама по себе дает знание, а совершенное знание невозможно без подлинной любви.

Памятуя об этом, постараемся понять, что говорили о *бхакти* великие ведические комментаторы.

Истолковывая сутру «Медитация необходима, что было многожды сказано»⁵, Бхагаван Шанкара заявляет:

«Итак, говорят люди — он возлюбил царя, он возлюбил *гуру*, описывая этими словами того, кто следует заветам *гуру*, считая это своей единственной целью. Подобным же образом говорят люди — предмет медитации любящей супруги есть ее возлюбленный супруг, описывая этими словами сильную и постоянную памятьливость»⁶. Вот что такое преданная любовь в понимании Шанкары.

«Медитация — это ненарушаемая память (о предмете медитации)»⁷, непрерывающаяся, как струя масла, переливаемая из сосуда в сосуд. При достижении такой связанности с Богом порываются все цепи — вот что имеется в виду, когда в священных книгах говорится о ненарушаемой памяти как о способе освободиться. Такая память схожа с видением, о чем говорится в следующих строках: «Когда видишь Его, далекого и близкого, с сердца спадают оковы, исчезают все сомнения и стираются последствия всех деяний»⁸.

Увидеть можно того, кто близко, тот же, кто далеко, виден только глазами памяти. Но священные книги учат, что мы должны видеть Его вблизи нас и видеть Его вдалеке, а это означает, что такого рода *память* сродни *зрению*. Возвышенная память приобретает качество зрения. Поклонение Богу есть постоянная память о Нем, как явствует из основных священных текстов. Знание, которое является тем же, что регулярное поклонение, описывается в них как постоянная память. Вот почему память, развитая до уровня непосредственного восприятия, рассматривается в *шрути*, в священных текстах, как способ освобождения.

«*Атман* нельзя постичь с помощью разных наук, интеллекта или самого прилежного изучения Вед. Кого *Атман* изберет, тот постигает Его, тому *Атман* раскрывает себя»⁹.

Здесь подчеркивается, что *Атман* непостижим слухом, мыслью, медитацией. Избранным становится любимейший; кого сильнее всех любит *Атман*, тот становится Его возлюбленным. Сам Бог помогает ему постичь

⁵ Пересказ Брахма сутры Бадараяны, IV, 1, 1—2.

⁶ Пересказ Брахма сутры бхашьи Шанкары, IV, 1, 1—2.

⁷ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, IV, 1, 2; I, 1, 1.

⁸ Пересказ Мундака-упанишады, II, 2, 9; часто повторяется во многих текстах позднего бхакти, например в Бхагагавата пуране.

⁹ Пересказ Катха-упанишады, I, 2, 2, 23 или Мундака-упанишады, III, 2, 3.

Атман. Ибо сказано было Богом: «Кто постоянно связан со Мной и поклоняется Мне с любовью, тем я указываю путь, который ведет ко Мне»¹⁰.

Смысл этого в том, что *Атман* будет постигнут тем, кого Он изберет, кому очень дорога памятьливость, равноценная непосредственному восприятию, ибо она дорога и Предмету, на котором сосредоточена. Эта непрерывающаяся память обозначается словом *бхакти*. Так говорит Бхагаван Рамануджа в своем комментарии к сутре о *Брахмане*.

В комментарии к сутре «О поклонении Всевышнему» Патанджали Бходжа¹¹ говорит: «*Пранидхана* есть разновидность *бхакти*, когда все деяния совершаются не ради их плодов, таких, как земные радости, но только во имя Учителя учителей».

Бхагаван Вьяса в комментарии на ту же тему¹² определяет Пранидхану как «форму *бхакти*, когда милость Бога изливается на *йога*, даруя ему исполнение всех его желаний».

Шандилья называет *бхакти* «страстной любовью к Богу». Но наилучшим образом определил, что такое *бхакти*, величайший из бхактов Прахлада: «Та бессмертная любовь, которой невежды награждают бранные предметы чувственного влечения — сосредоточившись на Тебе одном, я молю: да не оставит эта любовь мое сердце!»¹³

Любовь! К кому она обращена? Ко Всевышнему, к Ишваре. Сколь бы ни была велика любовь, обращенная к другим, это не *бхакти*, ибо, как говорит Рамануджа в «Шри-Бхашье», цитируя древнего мудреца, «все сущее, от Брахмы до пучка травы, подчинено закону рождения и смерти, диктуемому *кармой*, и потому не может быть предметом медитации, так как существует в незнании и изменчивости»¹⁴.

Размышляя над словом *ануракти*, употребленным Шандильей, комментатор Свапнешвара¹⁵ толкует его как составленное из *ану*, что означает «после», и *ракти* — «привязанность»; то есть речь идет о привязанности, возникающей после того, как познаны натура и величие Бога. Иначе можно было бы отнести к *бхакти* просто слепую любовь, такую, какая бывает между супругами или между родителями и детьми. Мы видим, что *бхакти* — это цепочка ментальных усилий, направленных на религиозную реализацию, которая начинается с простого поклонения Богу, а заканчивается любовью высочайшей силы, обращенной к Ишваре.

¹⁰ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, I, 1.1, цитирующего Бхагаватгиту X. 9—10. Рамануджа — известный ведантист, с его именем связывается разработка второго направления веданты — вишишта-адвайты. Данные о его жизни и деятельности отрывочны и порой противоречивы: считается, что он родился в 1027 г. Комментарии Рамануджи к Брахма сутре и Бхагаватгите считаются наиболее авторитетными среди трудов, посвященных веданте.

Обычно название учения Рамануджи переводят так: «ограниченная адвайта» или «адвайта с ограничениями». Рамануджа исходит из того, что души и материя образуют своего рода «тело» Брахмана, мыслимого как Ишвара, Личностный Бог, сотворивший из самого себя многообразный мир своим благоволением. Бог есть управитель мира; он может «уничтожить» плохую карму, как бы «простить» совершенные человеком недолжные деяния. Теистическое учение Рамануджи является теоретическим обоснованием бхакти-марги; полная зависимость человека от Бога иллюстрируется отношением кошки к котенку: в минуту опасности мать хватает своего детеныша и переносит его в безопасное место (так называемое «бхакти котенка»), или поведением маленькой обезьянки, цепляющейся за свою мать, когда ей что-нибудь угрожает (так называемое «бхакти обезьяны»). В бхакти важнее всего не само действие, а его эмоциональная окраска, глубина самозабвения, желания всецело принадлежать Богу. Именно в ответ на такое чувство всемогущественный и сострадательный Бог может даровать человеку свободу.

¹¹ Имеются в виду комментарии Бходжи (X—XI вв.), автора Бходжа вритти, на Йога-сутры Патанджали (I, 23 или II, 45).

¹² Здесь имеется в виду Вьяса, автор комментариев к Йога-сутрам Патанджали (Вьяса, Йога бхашья, или Вьяса бхашья).

¹³ Пересказ Вишну пураны, I, 20, 17. *Прохлада* — сын царя асуров Хираньякашипу, получивший еще в чреве матери наставление от мудреца Нарады и ставший потому страстным приверженцем бхакти. Споры между отцом и сыном были столь яростными, что бог Вишну в облике льва Нарасимху вмешался в них и растерзал отца, рассказывает Вишну пурана. Согласно Бхагавата пуране Вишну спасает Прахладу от гнева отца, но оставляет царя асуров живым. Прахлада в традиции понимается как идеал бхакта.

¹⁴ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, I, 1, 1.

¹⁵ Поздний комментатор Шандилья-сутр.

ФИЛОСОФИЯ ИШВАРЫ

Кто есть *Ишвара*? *Джанмадьясья ятах*. Тот, из кого порождение, сохранение и разрушение вселенной, есть *Ишвара*. «Вечный, Чистый, Вечно свободный, Всемогущий, Всеведущий, Всемиловитый, Учитель учителей»¹⁶. И превыше всего — «у Него собственная природа, неизъяснимая Любовь».

Несомненно, все это представляет собой описание Личностного Бога. Так что же, существуют два бога — Бог философа, определяемый через отрицание «Он не есть то, Он не есть это», *сат-чит-ананда*, существование-знание-блаженство; и наряду с ним вот этот Бог-любовь? Нет, Бог один, Он и существование-знание-блаженство, и любовь, Он и личностей, и надличностен. Необходимо всегда отдавать себе отчет в том, что Личностный Бог, почитаемый *бхактами*, не является чем-то отдельным или отличным от *Брахмана*. Все есть Абсолют, но *Брахман*, как единство всего сущего или как Абсолют, понятие чересчур абстрактное, абстракцию невозможно любить, абстракции невозможно поклоняться, поэтому *бхакта* избирает себе один из аспектов *Брахмана* — *Ишвару*, Высшего правителя. Прибегнем к метафоре: *Брахман* — это глина, это вещество, из которого вылеплено бесконечное многообразие форм жизни. По глине, по своей сути — все они едины, но по форме, по проявлению, отличны. Прежде чем их вылепили, все они потенциально существовали в глине, и, разумеется, они вещественно идентичны, однако, приняв форму, они раздельны и различны до тех пор, пока существует их форма: глиняная мышь никогда не станет глиняным слоном, так как в проявленном облике только форма делает их тем, что они есть, без формы же они едины.

Ишвара есть высочайшее проявление Абсолютной реальности, или, иными словами, максимальное постижение Абсолюта, доступное человеческому уму. *Ишвара* вечен, ибо вечно бытие.

Вьяса, в четвертой главе своих сутр¹⁷, особо отмечает, что, хотя освобожденная душа, душа, достигшая *мокши*, почти всемогуща и почти всеведуща, она не обладает силой творить, править вселенной и возвращать ее к изначальным компонентам, поскольку это может один Бог. Когда это положение истолковывает комментатор-дуалист, ему нетрудно доказать, что, таким образом, подчиненная душа, *джива*, не в состоянии получить безграничную власть и независимость от Бога. Мадхвачарья, комментатор, стоящий на целом дуалистических позициях¹⁸, рассматривает это положение в своей обычной суммарной манере и цитирует «Вараха пурану».

Рамануджа говорит: «Возникает сомнение — входит ли в возможности освобожденной души то, что единственно принадлежит Высшему существу, а именно: сотворение вселенной и т. д., или же величие освобожденной души только в ее непосредственном восприятии Высшего существа. Резонно предположить, что освобожденная душа обретает способность управлять вселенной, поскольку в священных текстах сказано: «Она становится предельно тождественна Высшему существу, и осуществляются все ее желания»¹⁹. Предельная тождественность и осуществление желаний недостижимы без способности, единственно принадлежащей Высшему существу, — управлению вселенной, а потому следует признать, что все освобожденные души становятся владыками вселенной. Но на это мы отвечаем, что освобожденные души обретают все способности, за исключением управления вселенной. Управление вселенной означает управление формами, жизнью и желаниями всего сущего. Освобожденные души, для которых перестали существовать завесы, скрывавшие подлинную природу Бога, получают возможность непосредственного восприятия *Брахмана*, но не способность управлять вселенной. Это доказывает следующий священный текст: «Спроси о Том, из кого все это рождается, кем все рожденное живо, в кого все возвратится. Это *Брахман*»²⁰.

Если бы способность управлять вселенной была присуща всем освобожденным душам, то *Брахмана* нельзя было бы определять через эту способность. Определять можно только через исключительные атрибуты, поэтому, скажем, в следующих текстах Высшее существо предстает неизменно как Властитель вселенной:

«Мой возлюбленный мальчик, вначале существовал лишь Один, не имеющий другого. Он увидел и возжелал — пусть родится множество. И возникло тепло»²¹.

¹⁶ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, I, 1, 1.

¹⁷ Имеются в виду Брахма сутры Бадараяны (или, как их еще называют, Брахма сутры Вьясы).

¹⁸ Мадхва (XIII—XIV вв. н. э.) считается одним из основных представителей «двайта-веданты», то есть дуалистической веданты. Мадхва оставил после себя комментарии к Брахма сутрам Бадараяны, к Бхгагаватгите, ко многим Упанишадям; часто цитируются его разъяснения к текстам пуран и Махабхарате. Мадхва является творцом того направления веданты, что в наибольшей степени вообрало в себя элементы учений, противостоящих адвайте Шанкары, хотя и не вышло за рамки основных ведантистских положений. Мадхва не приемлет адвайтистское понимание Брахмана как единственной реальности, а видимого мира множественности как результата действия майи, которой не подвластен только сам Брахман. У Мадхвы Брахман как бы «изготавливает» мир, словно ремесленник, делающий горшок из глины. Мир извечно «порожден» Богом и зависим от него; индивидуальные души тоже подвластны Богу и называются его «отражением».

¹⁹ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, IV, 4, 17.

²⁰ Пересказ Тайттирия-упанишады, III, 1, 1.

²¹ Свободный пересказ Чханд.-уп., VI, 2.

«Лишь один *Брахман* существовал вначале. Он стал развиваться, и проявилась благословенная форма — *кшатра*. Все эти боги есть кшатры: Варуна, Сома, Рудра, Парджанья, Яма, Мритью, Ишана»²².

«Поистине, один лишь *Атман* существовал вначале, ничто больше не испускало колебания. Он подумал о проявлении мира. Потом проявил мир»²³.

«Существовал один лишь Нараяна — ни Брахма, ни Ишана, ни Дьява-Притхиви, ни звезды, ни вода, ни огонь, ни Сома, ни солнце. Он не радовался в одиночестве и после медитации произвел на свет дочь, десять органов и прочее»²⁴. Да и в других священных текстах, таких, как: «Тот, кто, живя в земле, существует отдельно от нее, живя в *Атмане*, и т. д.», — говорится о Наивысшем как о том, кто управляет вселенной...

Ни в одном из описаний управления вселенной не остается места для действий освобожденных душ, для их участия в управлении вселенной.

Толкуя следующую сутру, Рамануджа подчеркивает:

«Если вы скажете, что это не так, поскольку некоторые ведические тексты свидетельствуют о противоположном, то тексты Вед относятся к величию освобожденных душ в сферах подчиненных богов»²⁵.

Еще один легкий выход из трудного положения. Хотя философская теория Рамануджи признает единство сущего, но, согласно ей, внутри единства сущего есть вечные различия. Следовательно, и эта теория является на самом деле дуалистической, что помогает Раманудже проводить четкую линию разграничения между личной душой и Личностным Богом.

Теперь постараемся разобраться в том, что говорят на этот счет великие мыслители школы *адвайты*. Теория *адвайты* сохраняет в неприкосновенности все надежды и чаяния дуалистов, предлагая в то же время собственное решение проблемы, согласующееся с высоким назначением божественного человечества, Желаящие сохранить индивидуальный ум даже после освобождения, получают широкие возможности для осуществления своих чаяний и обретения благословения наделенного качествами *Брахмана*. Это о них говорится в «Бхагават пуране»: «О царь, таковы великие свойства Бога, что даже мудрецы, единственная радость которых — Душа, те, с кого спали все оковы, даже они любят Вездесущего бескорыстной любовью»²⁶.

Это о них говорят последователи *санкхьи*: в этом цикле они сольются с природой, чтобы, достигнув совершенства, стать властелинами миров в следующем. Однако никто из них никогда не станет равен Богу (*Ишваре*). Иные достигнут состояния, где уже нет ни творения, ни сотворенного, ни Творца; где уже нет ни познавшего, ни познаваемого, ни знания; где не существует ни «я», ни «ты», ни «он»; где «кто видим кем?» утрачивает смысл — такие люди выйдут за пределы всего, туда, «куда ни слову не проникнуть, ни мысли»²⁷. Другие же, кто не сумел достигнуть этого состояния, неизбежно останутся при триедином видении нерасчлененного Абсолюта, как природы, души и их всепроникающей скрепы, соединяющей одно с другим, — *Ишвары*. Когда Прахлада забыл себя, он не обнаружил ни вселенной, ни ее причины, он был в Бесконечности, не расчлененной ни именем, ни формой. Однако, едва лишь вспомнил он, что его зовут Прахлада, перед ним опять была вселенная, а с нею и ее Владыка, «вместилище бесконечного числа благословенных свойств». То же произошло с благословенными пастушками, пока они не помнили о своей индивидуальности, каждая из них, и они вместе, были Кришной, но стоило им подумать о Нем как о предмете их поклонения, как тут же они снова стали пастушками и тут же «явился им Кришна с улыбкой на лотосоподобном лице, одетый в желтое, украшенный цветочными гирляндами, прекрасный победитель бога любви»²⁸.

Вернемся теперь к нашему Шанкаре, который говорит: «Кто почитанием наделенного качествами *Брахмана* входит в соприкосновение с Высшим существом, сохраняя при этом свой индивидуальный ум, — ограничено его величие или безгранично? Его величие должно быть безграничным, ибо сказано в священных текстах: «такие обретают собственное царство» и «таких почитают боги» и «во всех мирах исполняются их желания»²⁹.

На что Вьяса отвечает: «за исключением власти над вселенной»³⁰.

Власть над вселенной принадлежит вечно совершенному *Ишваре*. Почему? Потому что о Нем говорится во всех священных текстах, касающихся управления вселенной, освобожденные же души не упоминаются здесь ни в какой связи. Вселенной управляет только Высшее существо, вечное совершенство которого постоянно подчеркивается. В Священном писании также говорится, что все другие обретают свои способности исканием Бога и почи-

²² Пересказ Брихадараньяка-упанишады, I, 4, 1.

²³ Пересказ Брихадараньяка-упанишады, I, 4, 10, 11.

²⁴ Пересказ Брихадараньяка-упанишады, III, 7, 3.

²⁵ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, IV, 4, 18.

²⁶ Пересказ Бхагавата пураны, I, 7, 10.

²⁷ Пересказ Брихадараньяка-упанишады. II, 4, 10-12.

²⁸ Здесь и далее пересказ теистических пуран (Бхагавата пураны, Вишну пураны и пр.).

²⁹ Пересказ Брахма сутры бхашьи Шанкары, IV, 4, 17.

³⁰ Пересказ Брахма сутры Бадараяны, IV, 4, 17.

танием Его. Следовательно, участвовать в управлении вселенной они не могут. К тому же, раз они сохраняют индивидуальный ум, их желания могут и не совпадать — одна душа желает творения, а другая — разрушения вселенной. Единственным способом преодоления конфликта может быть подчинение всех желаний единой воле. Отсюда мы приходим к заключению, что воли всех освобожденных душ зависят от воли Высшего существа.

Таким образом, *бхакти* может быть обращена к *Брахману* только в Его личностном аспекте и «путь этот труднее для тех, чей ум привязан к Абсолюту»³¹. *Бхакти* должно направляться так, чтобы учитывать естественную склонность нашей натуры. Конечно, у нас не может быть иного представления об Абсолюте, кроме антропоморфного, но разве это не справедливо и в отношении всего остального, что мы знаем? Величайший из психологов, известных миру, Капила³², столетия назад доказал, что человеческое сознание является одним из элементов, необходимых при образовании всех объектов нашего восприятия, находящихся как вне, так и внутри нас. Мы видим, что, начиная с нашего собственного тела и вплоть до *Ишвары*, все, что мы воспринимаем, есть наше сознание плюс что-то еще, что бы это ни было, именно это смешение, которое неизбежно, мы обыкновенно и считаем реальностью.

Собственно говоря, это и есть реальность — единственная реальность, доступная человеческому познанию. Поэтому нелепо утверждать, что *Ишвара* нереален, поскольку Он антропоморфен. Это очень напоминает нескончаемый спор Запада по поводу идеализма и реализма, в основе которого всего лишь игра смысловыми оттенками слова «реализм». Идея *Ишвары* включает в себя все, что входит в понятие и толкование понятия реальности. *Ишвара* столь же реален, сколько и все во вселенной. В конце концов, слово «реальный» означает всего лишь то, о чем сейчас было сказано.

Такова наша философская концепция *Ишвары*.

---

³¹ Источник цитирования не выявлен.

³² Индийская традиция связывает санкхью с именем мудреца Капилы, о котором много говорится в эпосе (в Махабхарате, к примеру, он так и назван: «возвеститель санкхьи», Махабхарата, XI, 67). Однако в последнее время индологи склоняются к тому, что суждение о санкхье как учении, восходящем к одному учителю, ошибочно. Более вероятно, что санкхья всегда представляла собой многие параллельно развивающиеся школы.

ДУХОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ: ЦЕЛЬ БХАКТИ-ЙОГИ

Истинный последователь *бхакти* нуждается во всех этих сухих подробностях лишь для укрепления своей воли, больше ни для чего. Он идет путем, предназначенным для того, чтобы через короткое время вывести его из туманной и беспокойной области рассудка в царство осуществления. Пройдет немного времени, и *бхакта* Божьей милостью оставит далеко позади педантичный и бессильный рассудок, интеллектуальные блуждания во тьме уступят место ясному свету непосредственного восприятия. Он больше не рассуждает, он больше не верует, он почти воспринимает То. Он не дискутирует, он чувствует. И разве вот это видение Бога, ощущение Бога, наслаждение от общения с Богом не выше всего остального? Очень многие последователи *бхакти* утверждают, что это состояние даже выше *мокши* — освобождения. И разве не в этом высочайшая полезность? Ведь есть люди — и их много на свете, которые убеждены в том, что полезно только способствующее увеличению материальных благ. Религия, Бог, вечность, душа — все это кажется им бесполезным, поскольку не дает ни денег, ни физического комфорта. Для людей такого толка бесполезно все, что не ведет к удовлетворению чувств и appetитов. Тем не менее, понятие полезности для каждого человека обусловлено его собственными потребностями. Человек, не поднимающийся над желанием есть, пить, производить потомство, а потом умереть спокойно, только эти вещи считает полезными. Ему еще предстоит много раз родиться и умирать, прежде чем он ощутит едва заметную потребность в чем-то более возвышенном. Для человека же, который ценит вечные потребности души больше, чем мимолетные интересы земной жизни, для кого чувственные радости — младенческие игры, конечно, для него Бог и любовь к Богу являются наивысшим и единственным смыслом человеческого существования. Слава Богу, что есть на свете, слишком поглощенном мирскими заботами, такие люди.

Как мы уже говорили, *бхакти-йога* делится на подготовительную ступень, *гауни*, и высшую ступень, *пара*. По мере продолжения нашей беседы мы начнем понимать, что на подготовительной ступени человеку не обойтись без конкретной поддержки в разных формах, которая помогает ему двигаться дальше. По сути дела, мифы и символика любой религии есть выражение естественной потребности души на ранней стадии ее развития. Чрезвычайно важно отметить, что колоссы духа порождаются только теми религиозными системами, которые опираются на богатую мифологию и ритуализм. Сухие фанатические формы религий, стремящиеся искоренить все поэтичное, прекрасное и утонченное, именно то, что предлагает опору младенческому уму, делающему первые неуверенные шажки по направлению к Богу, подтачивают и опору, на которой держится духовная крыша. Исходя из невежественной и суеверной концепции истины, сухой фанатизм пытается изгонять как раз то, что питает собой религию, что питает собой росток духа, пробивающийся к свету в человеческой душе. От религий такого рода очень скоро остается одна шелуха, лишённые содержания словеса и софистика, иногда слегка сдобренная социальными стремлениями или так называемым духом реформизма.

Огромное большинство последователей таких религий являются материалистами — сознательно или неосознанно, — поскольку цель и земной, и загробной жизни для них сводится к наслаждению: оно для них альфа и омега бытия, это их *штанурта*. С их точки зрения, уборка улиц и наведение порядка и есть смысл жизни человека на земле — обеспечение материального благосостояния. Чем скорее последователи этих религий, представляющих собой странную смесь невежества с фанатизмом, предстанут в подлинном свете и вольются — как им и следует сделать — в ряды атеистов и материалистов, тем лучше будет для человечества. Один грамм практической праведности и духовной самореализации перевешивает тонны красноречия и пустых сантиментов. Покажите нам одного, одного-единственного колосса духа, возросшего на этой сухой пыли невежества и фанатизма, а если не можете — закройте рты и распахните сердца навстречу ясному свету истины. Сядьте, как дети, у ног тех, кто знает, что говорит, у ног индийских мудрецов. И давайте внимательно вслушаемся в их слова.

НЕОБХОДИМОСТЬ ГУРУ

Каждой душе назначено быть совершенной, и всякое живое существо в конце концов достигнет совершенства. То, что мы собой представляем сегодня, — плод наших деяний и помыслов в прошлом; кем мы станем завтра, зависит от того, что мы думаем и делаем сегодня. Мы сами творим собственную судьбу, но это не означает, что мы не можем воспользоваться чужой помощью, более того, в абсолютном большинстве случаев помощь нам просто необходима. Она нужна, чтобы ускорить раскрытие сил и потенциала души, чтобы пробудить нас к духовной жизни, развитие которой ведет человека к святости и совершенству.

Книги не могут это дать. Только от другой души воспринимает импульсы душа, ни от чего иного. Можно всю жизнь просидеть над книгами и стать большим интеллектуалом, а в конечном счете обнаружить полное отсутствие духовного развития. Это ведь неправда, будто высокий уровень интеллектуального развития непременно способствует соответствующему духовному развитию человека. Мы подчас склонны думать, будто корпение над книгами и есть духовная поддержка, в которой мы нуждаемся, однако, проанализировав результаты, приходим к выводу, что чтение принесло пользу интеллекту, но не духу. Несостоятельность книжного знания для пробуждения духа и ускорения духовного развития и есть причина, в силу которой мы все умеем блистательно *рассуждать* о духовности, но как только доходит до дела, до того, чтобы вести истинно духовный образ жизни, мы пасуем. Для ускорения развития духа мы нуждаемся в импульсе от другой души.

Человек, душевный импульс которого идет к нам, называется *гуру* — учитель, тот же, кто импульс получает, называется *шишья* — ученик. Передать свой импульс другой душе может только та, которая, прежде всего, как бы обладает способностью к передаче. Кроме того, принимающая душа должна быть готова к восприятию. Зерно должно быть плодородным, а поле вспаханым, при соблюдении этих условий мы наблюдаем поразительный рост подлинной религиозности. «Истинный учитель веры должен обладать замечательными качествами и умен должен быть слушающий его»³³.

Только в этом случае произойдет блистательное пробуждение духа — и никак иначе. Только таким может быть истинный учитель и только таким может быть истинный ученик. Все другое — просто игра в духовность: чуть проснулось любопытство, чуть разгорелся интеллектуальный аппетит, но человек так и остался стоять у границ религии. Без сомнения, есть определенная ценность и в этом, поскольку, с течением времени, возможно пробуждение и настоящей тяги к религии. По загадочному закону природы, как только поле готово, в него *должно* попасть и *попадает* семя; стоит душе истинно испытать тягу к религии, должен появиться и появляется тот, кто поможет этой душе. Когда сила, притягивающая свет религии, наполнит душу, то сила, отвечающая на притяжение, сама посылает этот свет.

Есть, однако, серьезные опасности, подстерегающие человека на этом пути. Например, существует опасность принять за подлинную тягу к религии мимолетные эмоции. Каждому легко проследить это на себе. Сколько раз в жизни, когда умирает близкий человек, когда обстоятельства наносят нам удар, мы начинаем искать чего-то более надежного и возвышенного и обращаемся к религии. Но проходит время, опадает волна чувства, а мы как были, так и остались. Мы все частенько ошибаемся, принимая эти порывы за подлинную тягу к религии. Пока мы не научимся распознавать их, мы не испытаем постоянное, настоящее влечение к религии, а следовательно, не отыщем и того, кто действительно передаст нам религиозность. А потому всякий раз, когда нам хочется пожаловаться на тщету поисков истины, к которой мы так сильно стремимся, наш долг прежде всего заключается в том, чтобы заглянуть в собственную душу и удостовериться в подлинности стремления. В огромном большинстве случаев обнаруживается, что мы сами еще не готовы принять истину, так как наша тяга к духовности поверхностна.

Однако еще более серьезная опасность связана с личностью того, кто *передает* знание, *гуру*. Есть многие, погрязшие в невежестве, кто в гордыне своих сердец воображает, будто им все известно. Не останавливаясь даже

---

³³ Пересказ Катха-упанишад, I, 2, 7—9. В индийской традиции считается, что только учитель (гуру) может подвести искателя истины к высшему знанию. Надо иметь в виду содержание самого понятия «знание» — это «высшее» знание, оно не соотносится с изучением природного мира и законов его функционирования: речь идет о духовном знании, получить которое можно только от учителя, а не от книги. Однако учитель может только подвести ученика к правильному пониманию истинной первоосновы мира, передать ему свои знания учитель не может. Переживание единения с Высшим понимается как глубоко индивидуальный акт, и передать то чувство, которое испытывает познающий Истину, никто не в состоянии, точно так же, как никому не под силу передать другому человеку то наслаждение, которое он испытывает при виде красивого пейзажа, цветка или при чувстве влюбленности. Учителем может быть только тот, кто уже познал Высшее. Но и учеником может быть далеко не каждый: считается, что, если ученик уже близок к познанию истинной первопричины мира, он обязательно встретится с тем, кто продвинет его на этом пути. Широко известно высказывание: «Когда чела (ученик) готов, учитель непременно появится».

на этом, они изъявляют готовность взвалить на свои плечи и бремя других, и тогда слепые становятся поводырями слепых. «Глупцы, блуждающие во мраке, мудрые лишь в собственной надменности, надутые от ложного знания, они ходят и ходят по кругу, как слепые, ведомые слепыми»³⁴, — говорится в Катха упанишаде.

Мир полон ими. Каждый желает быть учителем, каждый нищий готов подарить миллион! Нищий этот так же смешон, как лжеучитель.

---

³⁴ Пересказ Мундака-упанишады., I, 2, 8.

НЕОБХОДИМЫЕ КАЧЕСТВА УЧЕНИКА И УЧИТЕЛЯ

Как же распознать учителя? Солнцу не требуется факел, чтобы быть увиденным, и нам не нужно зажигать свечу, чтобы его увидеть. Когда встает солнце, мы инстинктивно знаем, что произошло, когда учитель людей приходит нам на помощь, душа инстинктивно знает, что к ней приближается луч истины. Истина самоочевидна, ей не требуются доказательства, она светит собственным светом. Она проникает в потаеннейшие уголки нашей природы, и вся вселенная приветствует ее словами — вот истина! Учители, познавшие истину, излучают мудрость, как солнце свет, и большая часть человечества почитает их, как самого Бога. Однако нам могут помочь и не столь великие люди, вся беда в том, что нашей интуиции недостаточно, чтобы вынести суждение о человеке, который собирается учить и наставлять нас, а значит, должны быть некие тесты, условия для определения пригодности учителя, равно как и обучаемого.

Принимающий учение должен соответствовать следующим условиям: чистота, истинная тяга к познанию и прилежание. Душа, не очищенная от скверны, не может быть по-настоящему религиозной. Чистота помыслов, речи и деяний есть обязательное условие для религиозного человека. Что же касается тяги к познанию, то издавна известно: каждый получает то, чего хотел. Никто из нас не может добиться того, что не запало в сердце. По-настоящему тянуться к религии совсем не так легко, как обычно представляют себе. Можно слушать религиозные беседы или читать религиозные книги, но это еще не доказательство истинной потребности сердца. Речь о постоянной борьбе, о нескончаемом преодолении, о беспощадной схватке с низостью собственной природы — все это до тех пор, пока не возобладает высшая потребность сердца и не будет достигнута победа. Речь не об одном-двух днях, не о годах, не о целой жизни — борьба может длиться сотни жизней. Бывает и немедленный успех, но готовым надо быть к ожиданию, которое может казаться бесконечным. Кто начинает поиск с готовностью к прилежанию и настойчивости такого рода, тот в конце концов обязательно придет к успеху и к реализации.

Что касается учителя, то необходимо убедиться в том, что он проникся духом священных книг. Все читают Библию, Веды и Коран, но ведь это просто слова, синтаксис, этимология, филология, сухие кости религии. Учитель, чересчур увлеченный словами, допускающий, чтобы ум его был убаюкан силой слова, упускает дух. Настоящий учитель веры должен понимать дух священных книг, и только это важно. Сплетение слов священных текстов подобно густому лесу, в котором легко заблудиться человеческому уму. «Сплетение слов — густой лес, причина замысловатых блужданий ума»³⁵. «Различны способы сопряжения слов, различны способы выражать мысли красиво, различны методы истолкования священных текстов, но применение их — только в спорах ученых людей, услаждающих свой ум, развитию же духовных восприятий они не помогают»³⁶.

Кто использует такие способы для передачи знания о религии, теми руководит одно желание — выказать свою ученость и снискать себе славу великих умников. Нетрудно обнаружить, что ни один из великих учителей мира никогда не прибегал к заумным толкованиям священных книг, они не увлекались «текстотерзанием», игрой в оттенки значений слов и их корней. Однако они поучали благородно, в то время как другие, кому нечего сказать, способны написать трехтомное исследование об одном слове или о человеке, который впервые употребил его, или еще о том, какую пищу предпочитал этот человек, как много он спал и тому подобном.

Бахаган Рамакришна любил рассказывать историю о людях, которые отправились в манговую рощу³⁷ и занялись подсчетом листьев на деревьях, сучков и веток, изучая их цвет, сравнивая по величине и тщательно записывая все. Потом они затеяли обсуждение всего обнаруженного и с большим увлечением участвовали в нем. Только один оказался разумнее — он ел манго. Не в этом ли мудрость? Кому нравится, пускай подсчитывает себе листья и сучья, есть своя польза и в этом, но не в сфере духа. Вы никогда не найдете среди считающих листики человека мощной духовности. Религия, высочайшее величие человека, не требует столько труда. Если вы желаете следо-

³⁵ Пересказ Вивекачудамани Шанкары, 60.

³⁶ Пересказ Вивекачудамани Шанкары, 58.

³⁷ Образ, свойственный общиндийскому культурному наследию, нередко встречается в буддийских сочинениях. Очень часто к нему прибегал учитель Вивекананды Рамакришна Парамахамса. См., например, Провозвестие Рамакришны, СПб., 1914, с. 265 и др.

Вивекананда имеет в виду своего духовного учителя Рамакришну Парамахамсу (1836—1886). Рамакришна не оставил рукописного наследия. На сегодняшний день признанными источниками его учения считаются записи учеников: так называемое Евангелие Рамакришны, составленное Махендранатхом Гуптой, и биография, написанная Свами Сараданандой. На русском языке есть следующие работы: Провозвестие Рамакришны. С предисловием и введением Суами Абедананда. СПб., 1914; Мюллер М. Шри Рамакришна Парамагамза. Его жизнь и учение. М., 1913; Рамакришна. Биографический очерк. М., 1915. Книга Р. Роллана (Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны.— Собр. соч., т. 19. Л., 1936) написана на основании многих достоверных материалов и нередко привлекается как источник.

вать путем бхакти, вам совсем не обязательно знать, родился ли Кришна в Матхуре или во Врадже³⁸, чем он занимался и когда именно провозгласил учение «Гиты». От вас требуется другое — действительно *испытывать* влечение к прекрасным урокам любви и долга в «Гите». А подробности, касающиеся этой книги или ее автора, — радость от них пусть получают ученые. Пусть занимаются тем, что им нравится. Скажите *шанти*, мир их ученым спорам, а сами ешьте манго.

Второе условие, которому обязательно должен отвечать учитель, — безгрешность. Часто спрашивают: почему надо интересоваться характером и личностью учителя? Его надо судить по тому, хорошо ли он учит! Это не так. Если речь идет о преподавателе динамики, или химии, или любой другой естественной науки, то действительно человеческие качества учителя не имеют для нас значения. Но когда мы говорим о человеке, приобщающем нас к духовности, то надо помнить, что не может быть духовного света в душе, недостаточно чистой. Чистота сердца и души есть неперемное условие как ищущего духовную истину, так и того, кто передает ее. Пока душа не очистится, она не прозреет ни Бога, ни иную реальность, чем та, что вокруг. А потому мы должны сначала увериться в том, что собой представляет учитель духовности, а уже потом в том, что он говорит. Учитель должен быть совершенно чист, ибо только тогда обретут ценность его слова, только тогда он может действительно «передать» нечто. Что он передаст, если в нем самом отсутствует духовная энергия? Должны же быть духовные вибрации в уме самого учителя, чтобы он мог передать их уму ученика — функция учителя именно в передаче от себя, а не просто в стимулировании интеллектуальных или иных качеств обучаемого. Воздействие учителя на ученика — вещь реальная и осязаемая.

Третье условие — чистота мотиваций учителя. Учитель не должен руководствоваться низменными, корыстными побуждениями — учить ради денег или славы. Он трудится только из любви, из чистой любви ко всему человечеству. Это единственный способ передачи духовной энергии — через любовь. Так что корыстное побуждение, жажда материальных ценностей или любви тут же уничтожат возможность передачи духовности. Бог есть любовь, и только тот, кто познал Бога как любовь, может стать учителем божественного.

Если вы убедились в том, что ваш учитель отвечает всем этим требованиям, вы в безопасности; в противном случае очень опасно учиться у недостойного, ибо раз он не в силах передать вам добро, он передаст вам зло. Этой опасности следует остерегаться. Истинный учитель «изучил священные тексты, безгрешен, не осквернен страстью, он велик и он познал *Брахмана*»³⁹.

Из того, что было сказано, естественно вытекает, что не всякий способен научить любить религию, понимать ее и войти в нее. Знаменитая фраза: «Книги — в бегущих ручьях, проповеди — в скалах и добро — во всем»⁴⁰ — прекрасна, как поэтическая фигура, но ничто не способно вложить в человека и крупицу истины, пока не взрастит он семя истины в себе самом.

Кому читают проповеди скалы и ручьи? Человеческой душе, лотос которой уже полнится жизнью в ее святом храме. Свет же, побуждающий раскрыться прекрасный лотос, всегда исходит от доброго и мудрого учителя. А когда сердце раскрыто, тогда оно готово принять поучение от скал, от ручьев, от солнца, звезд, луны, от всего сущего в нашей божественной вселенной. Нераскрывшееся сердце воспринимает ручьи и скалы просто как ручьи и скалы. Слепой может посетить музей, но он мало что вынесет из этого, сначала должны раскрыться его глаза, только тогда он сможет воспринять урок, преподаваемый музейными экспонатами.

Учитель открывает глаза ищущему религию, поэтому взаимоотношения между учителем и учеником схожи с взаимоотношениями предка и потомка. Не относясь к учителю с верой, скромностью, послушанием и почитанием в сердце, невозможно взрастить религию в себе. Необходимо отметить, что именно такие взаимоотношения существуют там, где на свет появляются колоссы духа; в тех же странах, где взаимоотношения пришли в упадок, учитель религии превратился в обыкновенного преподавателя, ожидающего, что ученик уплатит ему пять долларов, ученик же в свою очередь ожидает, что его мозг наполнится поучительными словами, после чего каждый из них пойдет своей дорогой.

В таких условиях духовность исчезает: некому передать ее, некому воспринять ее. Религия становится бизнесом, и человек считает, что к ней можно приобщиться за деньги. Дал бы Бог, чтобы религия так легко доставалась! К сожалению, это невозможно.

Религия есть наивысшее знание и наивысшая мудрость, ее нельзя ни купить, ни вычитать из книг. Можете объездить весь мир, можете облазить и Гималаи, и Альпы, и Кавказский хребет, можете опуститься на дно мор-

³⁸ Образ бога Кришны складывался на протяжении многих веков и отразил в себе различные традиции. Хотя самое первое упоминание о нем есть и в Ригведе, в индуистском пантеоне он занял место бога Вишну (Кришна понимается как воплощение Вишну) далеко не сразу. Существуют тексты, по-разному отражающие образ этого бога: например, Кришна в Бхагаватгите и Кришна в Бхагавата пуране во многом различаются.

³⁹ Пересказ Вивекачудамани Шанкары, 33.

⁴⁰ Точный источник цитирования нам неизвестен. По мироощущению он соотносим с христианскими сочинениями, допустим, с трудами Франциска Ассизского.

ское, исходить все уголки Тибета и пустыни Гоби — вы не найдете религию, пока не будет готово к ней ваше сердце и пока не придет учитель. Когда появится Богом назначенный учитель, служите ему с детской доверчивостью и простодушием, настежь распахните сердце его воздействию, смотрите на него как на воплощение Бога.

Кто ищет истину с такой любовью и почитанием, тому Бог раскрывает и истину, и добро, и красоту.

ВОПЛОЩЕННЫЕ УЧИТЕЛИ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Где ни произносится имя Его — то место свято. Как же велика святость человека, который произносит Его имя, как должны мы почитать того, через кого передается нам духовная истина! Великие учителя духовной истины весьма редки в нашем мире, но мир никогда не останется без них.

Эти люди — прекраснейшие цветы человечества. Каждый из них — «океан милосердия, не нуждающегося в побуждении»⁴¹.

Кришна говорит в «Бхагавадгите»: «Знай, что гуру — это Я»⁴².

Лишаясь таких людей, оставаясь без них, мир превращается в ад и спешит разрушить себя.

Выше и благородней просто учителей — аватары, воплощения *Ишвары* на земле⁴³. Они способны передавать духовность одним своим прикосновением, даже одним желанием. Самые низменные и опустившиеся люди могут мгновенно стать святыми по их приказу. Они — Учители учителей, наивысшие проявления Бога в людском облике. Мы можем узреть Бога только через них. Не поклоняться им невозможно, по сути, они и есть единственные, кому мы должны поклоняться.

Человеку не дано видеть Бога иначе, чем через эти Его человеческие воплощения. Пытаясь узреть Бога иными путями, мы только сотворяем для себя нелепые карикатуры. Есть такая история про человека, которого попросили изваять изображение бога Шивы. Он долго бился над ним, но в конечном счете изготовил статую обезьяны. Вот так всякий раз, когда мы пытаемся представить себе Бога, как Он есть, в Его абсолютном совершенстве, мы неизбежно терпим неудачу, ибо, пока мы люди, мы не в состоянии вообразить Его как нечто превыше человека. Наступит час, когда мы выйдем из пределов человеческой природы и познаем Бога как Он есть, но пока мы люди, мы должны почитать Его в человеке и как человека. Сколько бы мы ни старались, мы не можем думать о Боге иначе, чем в терминах человеческого. Можете читать высокоинтеллектуальные лекции о Боге и о чем угодно, можете стать большими рационалистами и уверить себя в том, что все истории о воплощении Бога в человеческую плоть — пустая болтовня, но давайте взглянем на это под углом зрения здравого смысла, практического здравого смысла. Что стоит за самым блистательным интеллектом? Нуль, ничто, пена. В следующий раз, когда вы услышите высокоинтеллектуальную лекцию о нелепости идеи воплощения Бога, подойдите к лектору и спросите, как он себе представляет Бога, что он понимает под «всемогуществом», «вездесущностью» и другими терминами этого типа, какой смысл он вкладывает в эти слова? Он их просто произносит, он не вкладывает в них

⁴¹ Пересказ Вивеканудамани Шанкары, 33. Он называется таковым, поскольку лишен собственного интереса в любом своем действии; он дарит знание, не имея никаких корыстных целей. Часто сравнивается с весной, что по самой своей природе несет тепло каждому человеку.

⁴² Нам неизвестен точно такой текст в Бхагавадгите; как правило, выражения «гуру — это я» встречаются в пуранах. Тем не менее смысл всей фразы соотносится с Бхагавадгитой, XI, 43.

⁴³ Аватара (санскр.: нисхождение) имеет место, согласно представлениям последователей индуизма, тогда, когда на земле воцаряется хаос, рушатся основы нормальной жизни: «Всякий раз, когда ослабляется дхарма и беззаконие возрастает, Я создаю себя сам...», Бхагавадгита, IV, 7. По верованиям последователей индуизма существует десять аватар Вишну. Они перечисляются в следующем порядке: Вишну в облике рыбы — черепахи — вепря — человека-льва — карлика — брахманавителя Парашурамы — царя Рамы — Кришны — Будды. Десятая аватара еще только ожидается. Седьмая аватара (царь Рама) — герой эпической поэмы «Рамаяна» и многих других произведений. Восьмая аватара — Кришна — герой многочисленных поэм и сказаний; от его имени излагается учение в Бхагавадгите. Включение Будды в аватары бога Вишну (девятая аватара) — свидетельство сложных отношений последователей индуизма и буддизма: первоначально индуизм выступал с решительным неприятием буддизма. Позднее (после X в.), когда буддизм во многом утратил свое влияние в Индии, взаимоотношения смягчились. Включение Будды в индуистский пантеон традиция объясняет так: Вишну специально принял облик еретика Будды, с тем чтобы выявить сомневающихся в истинной вере, а затем погубить их.

Индийская традиция постулирует циклическое развитие вселенной, не имеющей ни начала, ни конца. Мир понимается как чередование творений и разрушений (так высохшее русло реки наполняется после дождя, а потом опять пересыхает). Для объяснения череды творений и разрушений мира в индийской культуре разработаны такие понятия, как «день» и «ночь Брахмы».

«День Брахмы» (кальпа) — это творение и поддержание мира, он длится 4 320 000 000 человеческих лет. Затем наступает «ночь Брахмы», «Брахма отдыхает», мир рушится, воцаряется хаос. Затем опять наступает «день Брахмы», творец создает мир, в котором будет снова «то же солнце и та же луна», на земле снова появятся люди.

«День Брахмы» соотносится со «ста годами жизни Брахмы»: это тот временной отрезок в вечно сменяющемся потоке проявлений — разрушений мира, что составляет 311 040 000 000 000 человеческих лет от начала творения (сришти) до его разрушения (праляйя). Потом мир рушится, но затем вновь наступает жизнь — нарождается «новый Брахма» (см., например, Вишну-пурану).

Вивекананда неоднократно соотносил представление о «золотом веке» европейского мира с индуистскими представлениями о «золотом веке» (Сатья-юге) индийской истории, когда человек живет более четырех тысяч лет, дети появляются на свет одним желанием родителей и т. д. Современная эпоха (Кали-юга) знаменует торжество зла и предстоящее разрушение мира.

никакого смысла, он не может сформулировать их смысл без воздействия собственной природы — человеческой природы, он ничем не отличается от неграмотного на улице. Но тот, на улице, который не прочитал ни единой книги, по крайней мере не нарушает покой мира, а этот говорун и нарушает его, и сеет несчастье среди людей. Религия в конечном счете есть реализация, и нам следует строго различать болтовню и интуитивный опыт. Реализацию мы испытываем в глубинах наших душ. И в этом отношении ничего нет необычнее, чем обычный здравый смысл.

Мы так устроены, что в силу нашей ограниченности можем видеть Бога только в человеческом облике. Если допустить, что Богу желает поклоняться буйвол, то в соответствии с собственной природой он представит себе Бога в образе огромного буйвола; рыба представит себе Бога в виде громадной рыбины, а человек должен представлять себе Бога в человеческом облике. Эти представления — не игра болезненной фантазии, чересчур активно действующей. Человек, буйвол, рыба — каждый из них, можно сказать, есть определенный сосуд. Все сосуды наполнены Богом, каждый соответственно своей форме и объему — как если бы их заполняла вода. Вода в человеке примет его форму, в буйволе — буйволиную, а в рыбе — рыбью, но во всех все та же Божья вода. Человек видит Бога в человеческом облике, животные, если они вообще обладают идеей Бога, должны увидеть Его как животное — каждый в соответствии с собственным идеалом. Так что иначе, как в человеческом образе, нам Бога не увидеть, а значит, мы и поклоняться ему должны как человеку. Иного нам не дано.

Есть два типа людей, которые не чтят Бога как человека — скоты, которым недоступна вера, и *Парамахамса*⁴⁴, поднявшийся надо всеми человеческими слабостями и вышедший из ограничений собственной природы. Для него вся природа — его собственная душа, и только он может почитать Бога, как Он есть. Здесь, как и во многом другом, крайности соединяются: крайнее невежество и предельное знание. И то и другое обходится без актов почитания. Скот в человеческом образе — из-за своего невежества, а *дживанмукта*⁴⁵, свободная душа, — из-за того, что реализовала Бога в себе. Если же кто-то, находящийся между этими двумя полюсами, говорит вам, что не намерен чтить Бога как человека, отметьте себе этого болтуна, мягко говоря, он безответственный болтун, его вера непрочна, а голова его пуста.

Богу понятны человеческие слабости и он принимает человеческий облик, чтобы творить для человечества добро.

«Когда страдает добродетель и торжествует порок, Я являю Себя. Я перехожу из *юги* в *югу*, утверждая добро и уничтожая зло»⁴⁶.

«Глупцы насмеются надо Мной, принявшим человеческий облик, не зная, что Я — Владыка вселенной», — говорит Кришна в «Гите»⁴⁷.

«Когда набегают приливная волна, — говорит Рамакришна, — ручейки и каналы переполняются безо всякого усилия со своей стороны; когда Бог воплощается в человека, прилив духовности набегают на мир и люди в самом воздухе ощущают духовность»⁴⁸.

⁴⁴ Лебедь, точнее, гусь (санскр.: хамса) в индийской традиции символизирует мудрость и чистоту. Лебедь может отличать вечное от не вечного, чистое от нечистого, истинное от неистинного: то есть он обладает знанием истинной картины мира. Хамса — это аскет, близкий к такому состоянию, а парамахамса — это тот подвижник, который ближе всех живых существ стоит к Наивысшему и обладает всей полнотой просветления. Таким считался Рамакришна, получивший имя Парамахамсы. Одна из строк очень известной Хамса-упанишады содержит «великое речение», состоящее из двух слогов — «сохам». Если это «великое речение» повторять много раз непрерывно, оно будет звучать как «хамса» (Хамса-упанишад, 2). На эмблеме Миссии Рамакришны изображен белый лебедь как символ чистоты и святости.

⁴⁵ *Дживанмукта* (в адвайта-веданте — «прижизненно освободившийся») — то есть познавший единство Атмана, своей истинной сущности, с Брахманом, Абсолютом.

⁴⁶ Пересказ Бхагаватгиты, IV, 7—8.

⁴⁷ Пересказ Бхагаватгиты, IX, 11.

⁴⁸ В трудах Рамакришны эти строки не выявлены.

МАНТРА; «ОМ»; СЛОВО И МУДРОСТЬ

Мы, однако, сейчас ведем речь не о *маха-пурушах*⁴⁹, великих воплощениях, но лишь о *сиддха-гуру* об учителях, достигших цели; как правило, именно на их долю выпадает возвращение семян духовности в сердцах учеников через слова — *мантры*⁵⁰, даваемые ученикам для медитации. Что же представляют собой *мантры*? Индийская философия утверждает, что все во вселенной проявляется через имя и форму, через *нама-рупа*. В человеческом микрокосме невозможно существование ни единой ментальной волны, ни одной *читта-вритти*, которая не была бы обусловлена именем и формой. Если действительно вся природа создана по единому плану, обусловленность именем и формой должна относиться ко всему космосу. «Познание комка глины есть знание всего, что есть глина»⁵¹. Познание микрокосма должно, таким образом, вести к знанию макрокосма. Форма является внешней оболочкой, имя же — или идея — составляет внутреннее содержание, ядро. Тело — это форма, ум, или *антахарана*, — это имя, а звуковые символы у всех существ, наделенных даром речи, ассоциированы с *нома*, с именем. Ментальные волны, вздымающиеся в ограниченном уме, *читте*, человека, должны сначала проявиться в виде *слов*, а уже потом — в виде более конкретных *форм*.

В космическом плане Брахма, или Хираньягарбха, или космический ум — *Махат*, сначала проявляет себя в виде имени, а уже потом принимает форму, становится вселенной⁵². Вся проявившаяся, чувственно воспринимаемая вселенная есть форма, за которой стоит вечный, невыразимый *спхота*, субъект проявления, в виде Логоса, Слова. Вечный *спхота*, вечный базовый материал всех идей или имен, и есть та энергия, через которую Бог творит вселенную, точнее, Он вначале есть *спхота*, а затем выражает себя через более конкретную, чувственно воспринимаемую вселенную. *Спхота* может быть обозначен одним единственным словом, и это слово — Ом⁵³. Поскольку никаким анализом невозможно разделить слово и идею, то Ом и вечный *спхота* неразделимы, поэтому можно предположить, что вся вселенная сотворена из вечного Ом, самого священного из всех священных слов, праматери всех имен и форм. Однако можно сказать, что при всей неразделимости слова и мысли, одна и та же мысль выразима несколькими словесными символами, а значит, не обязательно, чтобы слово «Ом» выражало именно ту идею, которая дала начало проявлению всей вселенной. На это мы отвечаем: только Ом может быть всеобъемлющим символом и равных себе он не имеет. *Спхота* — материал для всех слов, однако это не есть определенное слово в полностью раскрывшемся виде. Или: если убрать все различия между всеми словами, то оставшееся и будет *спхота*, вот почему спхота носит наименование *Нада-Брахма*, Звук-Абсолют.

Поскольку любой словесный символ предназначен для выражения невыразимого *спхота*, но по мере своего усложнения он должен все дальше отходить от *спхота*, а наиболее обобщенный символ, который в то же время наилучшим образом выражает его природу, будет ближе всего к *спхоте*, и это может быть Ом и только Ом: три звука, составляющие его — *А, У, М*, произносимые как Ом, могут рассматриваться в виде обобщенного символа всех возможных звуков. Звук *А* является наименее расчлененным, поэтому и говорит Кришна в «Гите»: «Я есть *А* среди всех звуков»⁵⁴. Все звуки артикулируются в пространстве между корнем языка и губами, *А* — это горловой

⁴⁹ *Маха-пуруши* — здесь: аватары Бога. *Сиддха-гуру* — праведники, уже достигшие высшего знания, обладающие такими возможностями, которые обычный человек воспринимает как сверхъестественные (они могут видеть сквозь стены, понимать язык животных, перемещаться на огромные расстояния силой своего желания и пр.).

⁵⁰ *Мантра* означает примерно «священное изречение», отдельная формула из Вед, в более широком смысле — магическое заклинание вообще. Мантрами издревле сопровождалась ведические жертвоприношения, повторение мантр — признак благочестия. Слово изначально в ведийской культуре понималось как средство воздействовать на ум человека при помощи звука. Считалось, что слова обладают магической силой, если они должным образом организованы и произнесены. Записанное слово казалось «нереальным» в сравнении с теми звуками, из которых оно было составлено. Поэтому при исполнении ритуалов обращалось особое внимание на то, чтобы все слоги мантр были произнесены с соблюдением всех должных правил, поскольку даже незначительное их нарушение (допустим, неверно поставленное ударение) в состоянии привести говорящего к гибели.

⁵¹ Пересказ Чханандогья-упанишады, VI, 1, 4—6.

⁵² Имеется в виду один из эпитетов Брахмы: золотой зародыш (Хираньягарбха).

⁵³ *Ом* — священный, или «вечный слог», употребляемый в индуизме и буддизме во время религиозных церемоний, при чтении молитв, в начале текстов религиозного содержания. Он называется символом высшей святости; составляющие этот слог звуки («а», «у», «м») ассоциируются с индуистской триадой богов (*а* соотносится с хранителем мира Вишну, *у* — с разрушителем мира Шивой, *м* — с богом-творцом Брахмой). Во многих Упанишадах «вечный слог» Ом осмысливается с большой подробностью. Например, Шветашварата-упанишада называет сосредоточение на слоге Ом способом достижения Брахмана, I, 1—13; в Мундака-упанишаде он сравнивается со стрелой, что всегда достигает цели, т. е. единения с наивысшим, I, 2, 3. В Мандукья-упанишаде слог Ом означает различные состояния сознания: *а* — бодрствование; *у* — сон со сновидениями; *м* — сон без сновидений; а весь слог Ом есть турья, наиболее совершенное, т. е. вечное состояние сознания, Мандукья-упанишада, 5—7. Можно переводить слог Ом как «истинно», «да будет так» (аминь).

⁵⁴ Пересказ Бхагаватгиты, IX, 33.

звук, *М* — чисто губной, в то время как *У* точно воспроизводит процесс артикуляции от корня языка до губ. Правильно произнесенный Ом представляет весь процесс артикуляции, чего не может сделать ни одно другое слово, в силу чего Ом есть наилучший символ *спхоты*, который является подлинным значением Ом. А так как символ никогда не может быть отделен от символизируемого, то Ом и спхота едины. А так как *спхота* — это тонкая часть проявившейся вселенной и стоит ближе к Богу, являясь по сути первым проявлением божественной мудрости, то Ом есть подлинный символ Бога. Подобно тому, как «Один-единственный», Абсолют, *акханда-самчит-ананда*, неделимое «существование-знание-блаженство», может быть воспринят несовершенной человеческой душой лишь в определенных аспектах и в ассоциации с определенными качествами, так и тело Его, вселенная, может рассматриваться лишь под углом зрения смотрящего.

Угол зрения формируется доминирующими элементами, *таттвами*, в результате чего единый Бог видится в различных проявлениях, носителем различных доминирующих качеств, а единая вселенная предстает в многообразии форм. Как в случае с наименее дифференцированным и наиболее универсальным символом Ом, идея неотделима от звуковой символики, точно так же, по тому же закону неразделимой связанности, различные аспекты Бога и вселенной должны иметь каждый свой звуковой символ. Эти символы, порожденные глубочайшим духовным восприятием мудрецов древности, являются максимально близкими выражениями различных аспектов Бога и вселенной. Ом выражает *акханду*, нерасчлененный Абсолют, другие символы выражают *кханды* — различные дифференцированные аспекты Абсолюта, и они чрезвычайно полезны для духовной медитации и обретения истинного знания.

ПОКЛОНЕНИЕ ТОМУ, ЧТО ЗАМЕНЯЕТ БОГА, И ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯМ

Следующее, что нам предстоит рассмотреть, — это поклонение *прафикам*, то есть вешам, более или менее заменяющим Бога, а также поклонение *працимам* — Его изображениям. Что же такое поклонение Богу через некую Его замену?

«Преданно соединяя свой ум с тем, что не есть *Брахман*, но за *Брахман* это принимая», — говорит Рамануджа. «Почитай ум как *Брахман*, это — внутри себя. Почитай *акашу* как *Брахман*, это — при обращении к небожителям»⁵⁵, — говорит Шанкара. Ум есть пратика внутри нас, *акаша* — вне нас; поклоняться следует обоим, чья Бога в них. Он продолжает: «таким же образом, солнце тоже *Брахман* — так дано», «кто поклоняется Имени как *Брахману*» — во всех этих высказываниях проскальзывает сомнение в поклонении *прафикам*.

Само слово «*пратика*» означает «движение к чему-то», а поклонение *прафике* есть поклонение чему-то, что в одном или нескольких аспектах заменяет *Брахман*, но не является Им. Помимо того, что упомянуто в *шрути* в качестве *прастик*, есть и другие, упоминаемые в *пуранах* и в *тантрах*⁵⁶. В этом смысле можно говорить о различных формах поклонения предкам или небожителям как о поклонении *прафикам*.

Бхакти — это почитание *Ишвары*, и никого другого, почитание предков или небожителей к *бхакти* отношения иметь не может. Поклонение различным небожителям следует отнести к ритуалистической *карме* — оно дает только радость общения с небесами, но ни *бхакти* породить не может, ни привести к освобождению, *мукти*. Поэтому следует ни на миг не забывать одно обстоятельство: если, как это подчас бывает, высокофилософский идеал, Абсолют, снижается поклонением *прафике* до уровня *прастики*, а *пратика* начинает приниматься за *Атман* верующего, за его *Антарьямин*, то верующий впадает в глубокое заблуждение, ибо для *прастики* невозможно в действительности быть *Атманом* верующего. Но там, где объект поклонения — сам Абсолют, где *пратика* играет роль только его замены или обозначения, где, иными словами, через *пратику* поклоняются вездесущему *Брахману*, — поклонение благодатно. Больше того, оно совершенно необходимо для всего человечества, пока все люди на свете не пройдут приготовительную стадию восприятия Бога. А потому поклонение небожителям или иным существам, если им поклоняться ради их самих, есть только ритуалистическая *карма*, поклонение с целью познания приносит плоды только в данной области познания, однако когда небожителям и иным существам поклоняются как самому *Брахману*, то в этом случае достигается тот же результат, что и при поклонении *Ишваре*. Вот почему, как в *шрути*, так и в *смрити*⁵⁷, зачастую божество, или мудрец, или другое незаурядное существо возвышаются будто над пределом своей природы, идеализируются в виде Абсолюта и таковым почитаются.

Последователь *адвайты* говорит: разве не есть все сущее Абсолют, если абстрагироваться от имен и форм? Разве не есть Бог потаеннейшая Душа всего живого? — спрашивает последователь *вишишта-адвайты*.

«Даже плоды почитания *адитьев* дарует сам *Брахман*, ибо Он есть Властитель всего», — говорит Шанкара в «*Брахма-сутра-бхашье*»⁵⁸. «*Брахман* становится объектом поклонения, поскольку как *Брахман* он налагается на

⁵⁵ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, IV, 1, 5, и Брахма сутры бхашьи Шанкары, I, 1, 22.

⁵⁶ *Тантрами* (санскр.: книга, суть, субстанция), как правило, называются книги различных сект, обычно шиваистских или буддийских.

⁵⁷ *Веды* (санскр.: знание) — «священное писание» индуистов. Состоит из четырех групп текстов: самхит (сборников гимнов и заклинаний); брахман (сборников ритуально-мифологического характера); араньяк («лесных» книг, наставлений для отшельников); Упанишад (сборников текстов умозрительно-философского плана). Четыре Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII—X вв. до н. э., хотя многие гимны (особенно в Ригведе) отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет Вед как неоспоримый: так солнце не нуждается в дополнительном источнике света, чтобы его было видно. Они существуют, согласно традиции, вечно. Веды иначе называются «шрути» — «то, что было услышано»: считается, что риши, создатели гимнов, мгновенным озарением, внутренним взором постигли приоткрывшуюся им истину. Риши не есть авторы Вед, они только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям. К Ведам примыкают тексты, называемые «смрити» — «то, что было запомнено»: это своего рода «священное предание» индуизма. Значимость этих текстов для последователей индуизма хотя и велика, но вторична. Они достоверны для него в той степени, в какой не противоречат литературе «шрути» (то есть вечному и непогрешимому источнику истины), и при разногласиях последнее слово всегда будет за «шрути». Как правило, к литературе «смрити» относят следующие тексты: две эпические поэмы — «Махабхарата» и «Рамаяна»; восемнадцать пуран (дословно «старые» истории): они обычно состоят из космогонических мифов, генеалогий царей и др.; дхармашастры — законодательные трактаты, регулирующие политическую, религиозную и общественную жизнь. Сюда же входят смартасутры, то есть тексты, связанные в основном с домашним ритуалом; трактаты по вопросам религии, этики, философии и пр. Допустимо употреблять слово «Веды» только по отношению к самхитам (сборникам священных текстов, составляющих ранние слои ведийского канона). Можно использовать слово «Веды», имея в виду, например, Упанишады. Вивекананда часто пользуется словом «Веды», когда говорит об Упанишадах. Здесь, говоря о «бесстрашии» как теме многих Вед, он имеет в виду Упанишады.

⁵⁸ Здесь и далее: пересказ Брахма сутры бхашьи Шанкары, IV, 1, 6.

практики таким же образом, как Вишну или иные налагаются на свои изображения»⁵⁸.

К поклонению *пратимам* относится все то, что было сказано о *практиках* — если изображение заменяет божество или святого, то поклонение не ведет к *бхакти* и не открывает путь к освобождению, если же изображение рассматривается как символ единого Бога, то поклонение направляет верующего и к *бхакти*, и к *мукти*.

Мы видим, что среди мировых религий ведантизм, буддизм и некоторые ветви христианства широко используют изображения, и только две религии — ислам и протестантство — отказываются от их помощи. Тем не менее, мусульмане используют могилы своих святых и мучеников за веру почти так же, как другие используют иконы или статуи. Что же касается протестантов, то они, отвергая все вещественные опоры религии, уходят все дальше и дальше от духовности. В настоящее время едва ли осталась разница между ними и последователями Огюста Конта⁵⁹, или агностиками, исповедующими чисто этическое учение⁶⁰. Когда христиане и мусульмане поклоняются изображениям, в какой бы форме они это ни делали, поклонение напоминает отношение к *практикам* и *пратимам* как к самоценным объектам, это не «помощь прозрению», не *дришитисаукарьям* Бога, то есть, в лучшем случае, такое поклонение является ритуалистической *кармой* и не ведет к *бхакти* или к *мукти*. Душа отдается не *Ишваре*, а объектам, поэтому такого рода использование образов, гробниц или храмов есть чистейшее идолопоклонство, которое само по себе не грешно и не порочно, просто ритуально, — это *карма*, и верующий должен получить и получит ее плоды.

---

⁵⁹ *Огюст Конт* (1798—1857) — французский философ, основатель позитивизма. Он обосновывал создание некой «новой» религии, в которой место Бога занял бы культ «божественного» человека.

⁶⁰ Имеется в виду учение И. Канта (1724—1804), немецкого философа. В последней трети XIX в. ориенталисты и философы во многих странах уделяли большое внимание выявлению идей, общих и для кантовского учения, и для буддизма, и индуизма. Особенно внимательно изучалась, например, Бхагаватгита: она дает материалы для сопоставления кантовской идеи долга как внутренне присущего человеку и учения о действии «без заинтересованности в плодах действия». В Бхагаватгите, однако, в отличие от учения Канта, Высшая Нравственность прямо соотносится с Высшей Реальностью, стоящей над человеком.

ИЗБРАННЫЙ ИДЕАЛ

Теперь нам предстоит рассмотреть то, что называется *ишта-ништха*. Стремящийся ступить на путь *бхакти* должен помнить, что «есть много мнений и есть много путей»⁶¹. Он должен знать, что сколько бы ни было в каждой сект — все они являются различными проявлениями величия Бога.

«Тебя называют множеством имен, Тебя стараются разделить этими именами, но в каждом имени раскрывается Твое всемогущество... Через любое из них Ты достигаешь того, кто верует, и нет ни особого имени, ни особого времени, если душа полна сильной любви к Тебе. Легко доступ к Тебе, и только по несчастью не могу я любить Тебя»⁶².

Более того, *бхакта* должен избегать не то что ненависти, даже осуждения тех лучащихся сынов Света, которые основали различные религии. *Бхакта* не должен даже слушать дурного о них. Но немногие способны испытывать и симпатию, и глубокое понимание, и всепоглощающую любовь. Как правило, либеральные секты утрачивают силу религиозного чувства, и их религия легко может выродиться в своего рода политико-социальный клуб. С другой стороны, яростное узколюбое сектантство, проявляя весьма похвальную любовь к собственному идеалу, явно черпает всю эту любовь из ненависти к тем, кто не разделяет — до мелочей — их точку зрения. Ах, если бы Бог наполнил этот мир людьми, которые умели бы и истинно любить, и распространять свою любовь на все! Но таких людей очень мало. Все равно, надо стараться научить человечество этому прекрасному сочетанию силы любви с широтой взглядов, что можно сделать через *ишта-ништху* — прочную приверженность избранному идеалу. Всякая религия или секта предлагает человечеству только свой собственный идеал, но вечная ведантическая религия распахивает перед человеком бесконечное множество дверей, ведущих в святая святых храма духовности, и предлагает человечеству почти неисчерпаемый набор идеалов, каждый из которых есть проявление Предвечного. С нежной заботливостью указывает *веданта* различные пути, прорубленные в скале реальности людского существования великими сынами, человеческими воплощениями Бога, жившими в прошлом, живущими сейчас. *Веданта* с распростертыми руками приглашает всех — даже тех, кому еще предстоит быть — в обитель Истины и океан Блаженства, где человеческая душа, освобожденная от пут *майи*, может наслаждаться совершенной свободой и вечной радостью.

Вот почему *бхакти-йога* налагает на нас непереносимое обязательство избегать ненависти или отрицания любого из путей, ведущих к спасению. Однако юное деревце необходимо оградить и оберегать, пока оно не вырастет. Хрупкий росток духовности умрет, если его слишком рано открыть воздействию постоянно меняющихся идей и идеалов. Есть множество людей, которые во имя того, что им кажется религиозным либерализмом, по сути, удовлетворяют свое праздное любопытство постоянной сменой различных идеалов. Встреча со все новыми идеями превращается в своего рода болезнь, что-то наподобие религиозного алкоголизма. Таким людям непрестанно хочется слышать что-то новое, что заново возбуждает их, щекочет нервы, но как только возбуждение остынет, они кинутся искать другое. Для них религия — это интеллектуальный опиум, и больше ничего.

Рамакришна говорит: «Бывают другие люди, похожие на жемчужную раковину из притчи. Когда восходит звезда Свати, ракушка поднимается со дна морского на поверхность ловить дождевые капли. Распахнув створки, плавает она по поверхности вод, пока не упадет в нее дождевая капля. Тогда уходит ракушка глубоко, на самое дно, чтобы взрастить в себе прекрасную жемчужину»⁶³.

Вот самое поэтичное и четкое объяснение того, что есть *ишта-ништха*. Человеку, только ступившему на путь религиозной любви, абсолютно необходима *эка-ништха*, приверженность одному идеалу. Он должен сказать себе, как говорил Хануман в «Рамаяне»: «Хоть мне известно, что и бог Шри, и бог Джанаки есть проявления все того же Высшего существа, но все, что есть во мне, принадлежит одному только лотосоглазому Раме».

Или, как говорил премудрый Тулсидас: «Изведай сладость всего, сиди со всеми, повторяй все имена, говоря да, да! — но твердо держись своего»⁶⁴.

⁶¹ *Путь, переправа* — традиционные метафоры религиозного спасения. Сопоставимые тексты присутствуют во многих памятниках, начиная с Ригведы, например в Упанишадах, Бхагавадгите: «Все пути ведут ко мне» (Бхагавадгита, IV, 11). Постоянно эту же мысль Рамакришна иллюстрировал разными примерами (все дороги ведут в Калькутту, нет смысла начинать поиски новой дороги). Но Вивекананда был первым, кто распространил идею правомочности всех путей приближения к Богу на все известные ему мировые религии, включая ислам, христианство, индуизм и пр.

⁶² Здесь и далее пересказ текстов бхакти (Бхагаваты пураны, Вишну пураны, поэтических сочинений Джаядевы и др.).

⁶³ *Звезда Свати* считается в индийской астрономии пятнадцатым зодиакальным созвездием, которое традиция рассматривает особенно благоприятным. Есть поверье, что люди, родившиеся под звездой Свати, всегда счастливы, красивы и любимы. Образ раковины-жемчужницы, ждущей капли дождя, когда на небе горит звезда Свати, постоянно приводил Рамакришна, духовный учитель Вивекананды, как идеал человека, готовящего себя к соединению с высшим.

⁶⁴ Это высказывание обычно связывают с именем Нанака (XV в.), известного приверженца бхакти. Позднее его мог включить в свою книгу «Рамаяна», написанную на языке хинди и по сей день почитаемую вишнуитами как священную, и Тулсидас (1532—1624), видный поэт средневековья, приверженец бхакти.

И тогда, если искренне тянется к любви человек, из крохотного семени вырастет могучее дерево, огромное, как баньян, который будет выбрасывать все новые ветви, все новые корни, пока не покроет все поле религии. Так истинный бхакта осознает, что Тот, кто всю жизнь был его идеалом, почитаем через идеалы всех вер, под всеми именами, в самых разных формах.

МЕТОД И СРЕДСТВА

О методе и средствах *бхакти-йоги* мы читаем в комментарии Рамануджи к «Веданта-сутрам»: «Достичь этого можно через различение, обуздание страстей, упражнения, жертвенный труд, чистоту, силу и подавление излишней веселости»⁶⁵.

Различение, или *вивека*, означает по Раманудже, в числе прочего и разборчивость в еде, различение чистой и нечистой пищи. Пища может быть нечистой по трем причинам: (1) В силу своей природы, как, например, чеснок. (2) Если она прошла через руки людей плохих или повинных в чем-либо. (3) От физических нечистот — грязи, волосков и прочего.

В *шрути* сказано — чистая пища очищает *саттву* и укрепляет память, и Рамануджа повторяет это, цитируя по Чхандогья-упанишаде.

Пища играет огромную роль в жизни бхакты. Исключая крайности, которыми увлекаются некоторые секты, чистота пищи очень важна, это правда. Вспомним, что философия *санкхьи* учит: *саттва*, *раджас* и *тамас*, которые в состоянии однородного равновесия образуют *пракрити*, а в неравновесном, смешанном состоянии — нашу вселенную, есть и суть, и свойства *пракрити*. Таким образом, они и есть материал, из которого создан человек, а преобладание в человеке элемента *саттва* является непреложным условием духовного развития. Пища дает строительный материал для нашего тела и в очень значительной степени обуславливает наше ментальное устройство, поэтому пища, потребляемая нами, чрезвычайно важна. Однако и в этом вопросе, как и в других тоже, фанатичность, которой не избежать новичку, не относится к познавшему.

В конечном счете разборчивость в еде все равно вторична. Шанкара в комментарии к Упанишадам по-своему трактует положение, цитировавшееся выше, давая совершенно иное толкование слову *ахара*, обыкновенно переводимому как «пища». Он считает, что под *ахарой* имеется в виду «все, что вбирается. Знание ощущений — звуковых и прочих — вбирается для использования душой; очищение знания, получаемого через органы чувств, есть и очищение пищи, *ахары*. Под «очищением пищи» понимается получение чувственного знания, не замутненного склонностями, отвращением или заблуждением, — такой смысл. Очищением знания или *ахары саттва* внутренних органов тоже очищается, чем восстанавливается неразрывность памяти о Бесконечном, истинная природа которого описана в священных текстах».

Эти два объяснения кажутся противоречивыми на первый взгляд, но оба и состоятельны, и необходимы. Управление и владение тем, что может быть названо тонким телом, то есть умом, является без сомнения функцией, более высокой, чем управление плотью, грубым телом. Но владение грубым телом совершенно необходимо для того, чтобы перейти к владению телом тонким. Поэтому начинающий должен обращать особое внимание на диетические правила, которые освящены авторитетом поколений достойных учителей, избегая, однако, крайностей, безмозглого фанатизма, загоняющего религию на кухню, как это и произошло с иными из наших сект, безо всякой надежды на то, что благородная истина религии когда-нибудь выберется на свет духовности из этого обыкновенного материализма. Это уже не *бхакти*, не *джняна* и не *карма*, а особый род помешательства, и те, кто отдается ему, имеют больше шансов попасть в больницу для душевнобольных, чем в *брахмалоку*. Разумнее смотреть на это вот как: разборчивость в еде необходима для достижения возвышенного состояния ума, которое иным путем недостижимо.

Следующее, чем надо заниматься, — это управление собственными страстями. Главная ценность религиозной культуры и заключается в способности удерживать *индрии* — органы чувств — от тяготения наружу, к объектам чувственных восприятий, и поставить их под контроль воли. Затем нужно упражнять себя в самоограничении и в самоотречении. Огромные возможности божественной реализации, которыми обладает душа, не могут быть приведены в действие без борьбы и постоянного упражнения.

«Ум должен быть постоянно сосредоточен на Боге»⁶⁶.

Вначале очень трудно заставить себя постоянно думать о Боге, но каждое новое усилие укрепляет эту способ-

⁶⁵ Пересказ Брахма сутры бхашьи Рамануджи, I, 1, 1. В *шрути* (Чхандогья-упанишада, VII, 26, 2) сказано: «...чистая пища очищает саттву...» Комментаторы по-разному переводят ключевое слово «ахара». Согласно Шанкаре, человек «вспоминает» свою истинную природу, не сводимую к чисто физическому существованию, и постепенно добивается «чистоты мыслей», а они, в свою очередь, приводят его к осознанию тождества его души, Атмана, с Брахманом. Таким образом, в толковании Шанкары нет соотнесения «ахары» с пищей, его перевод: «Если чиста мысль, то чиста и саттва». По-видимому, более распространенным было понимание того же текста Рамануджей. С его толкованием перекликаются Законы Ману, запрещающие, допустим, брахманам принимать пищу из рук мясников, маслособоев, трактирщиков, музыкантов, плотников, ростовщиков, лекарей, охотников, танцовщиков и других представителей «нечистых» профессий (Законы Ману, IV, 84, 210, 212, 214 и др.). В современном хинди слово «ахара» тоже означает пищу.

⁶⁶ Примерный пересказ Брихадараньяка-упанишады, II, 4, 5.

ность. Кришна в «Бхагавадгите» говорит: «Это достигается упражнениями и отрешенностью от привязанностей, о сын Кунти»⁶⁷.

И конечно, никогда не должен прерываться жертвенный труд — пять великих жертв, *панчамахаюджна*: труд во имя богов, мудрецов, предков, гостей и всех созданий⁶⁸.

Чистота — основа, на которой зиждется все здание *бхакти*. Нетрудно приучить себя к очищению плотской оболочки и к разборчивости в еде, но такого рода чистоплотность не имеет никакой ценности без внутренней чистоты. Рамануджа перечисляет следующие качества, необходимые для внутренней чистоты: *сатья* — правдивость, *арджава* — искренность, *дайя* — бескорыстный труд на благо других, *ахимса* — непричинение никому вреда помыслом, словом или поступком, *анабхидхья* — способность не желать чужого, не предаваться пустым мыслям, не помнить причиненные тебе обиды. Особого внимания в этом перечне заслуживает *ахимса* — непричинение вреда. Можно сказать, что *ахимса* есть наше обязательство по отношению ко всему живому. *Ахимса* не означает, как кажется некоторым, ненасилие по отношению к людям и безжалостность по отношению к животным; *ахимса* не означает защиту собак с кошками и кормление сахаром муравьев при свободе всячески истязать брата своего, человека! Поразительно, как в этом мире чуть не любая благородная идея может быть доведена до отвратительной крайности. Доброе дело, доведенное до крайности и творимое в соответствии с буквой, но не с духом, превращается в чистейшее зло. Смердные монахи иных религиозных сект, которые не моются, чтобы нечаянно не погубить насекомых на себе, не задумываются над тем, какие неприятности они доставляют, какие болезни приносят. Подобные вещи не имеют связи с религией Вед.

Ахимса проверяется отсутствием зависти. Любой может совершить добрый поступок или принести щедрый дар под влиянием минутного порыва или в силу суеверия, однако по-настоящему любит человечество только тот, кто никому не завидует. Так называемые великие мира сего, как мы хорошо знаем, соперничают за известность, за славу, за крупницы золота. Пока живет в сердце зависть, мы далеки от совершенства *ахимсы*. Ни коровы, ни овцы не едят мясо, но делает ли это их великими *йогами*, последователями *ахимсы*? Любой дурак может отказаться от принятия определенной пищи, но едва ли это ставит его выше травоядного животного. Если даже человек питается исключительно травой, но способен обмануть вдову или ребенка, пойти на гнусности ради денег, то он хуже всякой скотины. Но тот, чей ум не посещает мысль о причинении вреда кому бы то ни было, кто радуется процветанию заклятейшего из своих врагов, он подлинный *бхакта*, он йог, он *гуру* всех людей, пусть даже он ест свинину три раза в день. Мы должны всегда помнить, что внешние проявления имеют ценность только как опоры для развития внутренней чистоты. Лучше ограничиться одной внутренней чистотой, если нет возможности досконально соблюдать ее внешние проявления. Но жалок человек и жалок народ, которые забывают подлинную, внутреннюю, духовную суть религии и механически держатся насмерть за внешние формы. Формы имеют ценность лишь до тех пор, пока они есть выражение внутренней жизни. Если они перестали выражать внутреннюю жизнь, ломайте их без жалости.

Следующий шаг к достижению *бхакти-йоги* — это *анавасада*, сила. В *шрути* указано: «Слабому не достичь *Атмана*»⁶⁹. Здесь речь идет о слабости как плоти, так и духа. Только сильные, только настойчивые могут ступить на этот путь. На что способны хлипкие, маленькие, болезненные существа? Они сломаются от первого же движения таинственных сил тела и ума, пробужденных занятиями любой *йогой*. Добьются успеха «молодые, здоровые, сильные». Следовательно, физическая сила является непременным условием. Только сильное тело способно вынести шок, возникающий при попытках управлять органами чувств. Кто хочет стать *бхактой*, должен быть сильным, должен быть здоровым. Когда принимаются за *йогу* несчастные больные люди, они могут вогнать себя в совершенно неизлечимую болезнь или ослабить свой ум. Добровольное ослабление тела никак не является путем к духовному развитию.

Не могут преуспеть в достижении *Атмана* и те, чей ум слаб, — *бхакта* должен быть жизнерадостен. В западном представлении религиозный человек никогда не улыбается, тучи постоянно омрачают его чело, а губы вечно опущены книзу. Люди с изнуренными телами и суровыми лицами не *йоги*, а пациенты для медиков. Настойчив в достижении цели жизнерадостный человек. Сильный умом способен проложить себе путь через неисчислимые трудности. И самое трудное — сумеет прорвать сеть *майи*, а это деяние, которое под силу лишь гигантам воли.

⁶⁷ Пересказ Бхагаватгиты, VI, 35.

⁶⁸ Считается, что семьянин (грихастха) должен ежедневно приносить жертвы во имя богов, мудрецов, предков, гостей, всех созданий (Законы Ману, III, 70, 81 и др.). По Бхагаватгите, все действия, кроме жертвоприношений, «связывают», то есть порождают «кармические остатки», не давая человеку выйти из «круга перерождений» (Бхагаватгита, III, 9). Значит» жертвоприношение не только поддерживает нормальное функционирование мира, оно одновременно способствует продвижению человека на пути к Наивысшему. Но само жертвоприношение понимается в Бхагаватгите по-новому: это «отдавание», «приношение», своего рода соотнесение самого себя с другими; тогда весь мир будет гармоничен и во всем благоприятен для жизни самого же жертвователя.

⁶⁹ С такой трактовкой можно соотнести Мундака-упанишаду, III, 2, 4. Точный перевод: «[человеком], лишенным силы».

Но жизнерадостность не должна переходить в веселость, веселость нужно сдерживать в себе — *ануддхарша* есть умеренность в веселье. Излишняя веселость не дает человеку думать о серьезном и к тому же впустую растрчивает мыслительную энергию. Чем сильнее воля, тем меньше она поддается воздействию эмоций. Чрезмерная веселость так же не нужна, как скорбная серьезность, религиозная реализация возможна лишь тогда, когда ум пребывает в постоянном состоянии гармонического равновесия.

Вот что нужно, чтобы начать учиться любви к Богу.